

ИГРА И ЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ В ПРАВОСУДИИ: ОТ ЦАРЯ СОЛОМОНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

© 2021 г. Ю. А. Цветков

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

E-mail: Yutsvet@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.06.2020 г.

Аннотация. В статье неизбежность в правосудии логических парадоксов и неразрешимых казусов обосновывается неполнотой формальных систем, в том числе таких, как право и закон. Выводы иллюстрируются ссылками на библейские и литературные сюжеты, а также реальные ситуации, возникающие в судебной деятельности. В качестве методов оптимизации принятия судебных решений по сложным делам предлагаются элементы теории игр и коммуникативного кодекса Грайса, моделируются конкретные ситуации их применения. Формулируется вывод о наличии особого типа мышления, которым должен обладать судья, и условиях, способных блокировать либо стимулировать его проявление.

Ключевые слова: правосудие, судебное решение, судья, суд, теория игр, коммуникация, принцип кооперации, логический парадокс, теорема о неполноте.

Цитирование: Цветков Ю.А. Игра и логические парадоксы в правосудии: от царя Соломона до наших дней // Государство и право. 2021. № 6. С. 136–146.

DOI: 10.31857/S102694520015061-8

THE GAME AND THE LOGICAL PARADOXES OF JUSTICE: FROM KING SOLOMON TO THE PRESENT DAY

© 2021 Yu. A. Tsvetkov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

E-mail: Yutsvet@yandex.ru

Received 17.06.2020

Аннотация. In the article, the inevitability of logical paradoxes and unsolvable incidents in justice is justified by the incompleteness of formal systems, including such as law and law. The conclusions are illustrated by references to biblical and literary stories, as well as real situations that arise in judicial activity. Elements of game theory and the Gries code of communication are proposed as methods for optimizing judicial decision-making in complex cases, and specific situations of their application are modeled. It is concluded that there is a special type of thinking that a judge should have, and conditions that can block or stimulate its manifestation.

Ключевые слова: justice, judicial decision, judge, court, game theory, communication, cooperation principle, logical paradox, incompleteness theorem.

Ключевые слова: Tsvetkov, Yu. A. (2021). The game and the logical paradoxes of justice: from king Solomon to the present day // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 136–146.

Культурный современный мыслитель, в прошлом биржевой трейдер Н.Н. Талев уверен, что «людям, выживание которых зависит от качественной «оценки работы» начальством, нельзя доверять важные решения»¹. Смысл высказывания автор не раскрывает, но из контекста становится понятно, что он имеет в виду. Тот, кто вынужден действовать с оглядкой на руководителя, стремится принять такое решение, которое в первую очередь отвечает критериям оценки, установленным начальником, а отнюдь не такое, которое стало бы объективно наилучшим. Какие-то решения могут достигать одновременно обеих целей. Но даже если бы интересы организации совпадали с требованиями руководителя, то и в этом случае работник далеко не всегда будет принимать решение, способное принести максимальную выгоду как организации, так и ее руководителю. Подчиненный поступит, скорее, таким образом, который минимизирует риски неблагоприятной оценки его деятельности, а это далеко не то, что выгодно организации.

Судья принимает решения, держа в уме то, как его оценят председатель суда и судьи вышестоящей инстанции, поэтому на ситуацию он смотрит не только своими глазами, но и глазами судей вышестоящей инстанции. Иногда это может сдерживать судью от принятия явно несправедливого решения, сведения личных счетов с подсудимым или стороной, которые вызвали его гнев в процессе. Но зачастую это сдерживает от смелых прорывных постановлений, которые либо позволяют находить справедливый выход в нетипичных ситуациях, либо носят характер прецедента, прокладывая дорогу новой, отвечающей вызовам времени практике. Именно поэтому суд исторически был одной из функций царей. В принятии решения царю оглядываться не на кого. Трудно представить, чтобы в наши дни кто-либо из профессиональных судей предложил разорвать ребенка пополам, — что бы стало с этим судьей? Его имя «полоскали» бы в СМИ и социальных сетях, вызвали на заседание квалификационной коллегии и скорее всего прекратили полномочия.

Говоря о способности судей к принятию прорывных решений, необходимо иметь в виду, что такого рода решения судьи принимают не так часто. Известный юрист, в прошлом председатель Верховного суда Израиля А. Барак признаёт, что судейское усмотрение как проявление высшего предназначения судьи проявляется только при разрешении трудных дел, в то время как в легких и средней трудности делах у судьи нет ни простора, ни права на усмотрение. К категории трудных

судья относит такие дела, которые не имеют одного законного решения².

Предметом данной статьи является правосудие именно по трудным делам.

Царь Соломон стал символом мудрости, но до него (а точнее, до первого израильского царя Саула) верховная власть у евреев принадлежала судьям. Первым великим судьей стал преемник Моисея — полководец Иисус Навин, последним — пророк Самуил. Среди них была и одна женщина — судья Девора, которая по преданию обладала еще и даром пророчества. Период правления судей продолжался, по разным данным, от 200 до 450 лет. Впоследствии высшая судебная власть перешла к царям, и как выдающийся судья в Библии прославляется царь Соломон. Разберем самый знаменитый пример из его судейской практики с точки зрения теории игр, приведя для начала краткую предысторию.

В X в. до Р.Х. вторым израильским царем стал победитель Голиафа Давид. Поскольку старшие его сыновья вступили в заговор против отца, он завещал престол своему младшему сыну Соломону. Сколько было лет Соломону, когда его по смерти Давида помазали на царство, с точностью определить невозможно. Сам он называет себя «отроком малым», хотя уже был женат на дочери египетского фараона. В силу своей молодости он обладал ограниченным запасом знаний и тем более не разбирался в управлении. Поэтому когда во сне ему явился Бог и спросил о самых заветных желаниях, Соломон не стал просить ни долголетия, ни славы, ни богатства, а попросил даровать ему только «сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло». Всевышний, оценив зрелость его выбора, даровал Соломону такой ум, которого не имел никто прежде и не будет иметь никогда потом, т.е. в иудейской традиции, сделал его самым умным человеком всех времен и народов. К этому Он также добавил ему и того, чего тот не просил: богатство и славу. И будучи еще очень молодым человеком, практически юношей, Соломон сразу же смог явить свою мудрость народу Израиля.

В первый же день царствования к Соломону обратились две женщины-блудницы, чтобы он рассудил их. Одна женщина (истец) просила передать ей грудного ребенка, который находился у другой женщины (ответчика). В обоснование своего требования она сказала, что обе они живут в одном доме и с разницей в три дня родили каждая по ребенку. У ответчика ребенок ночью умер, «ибо она заспала его». Тогда же ночью ответчик подменила детей, себе взяв живого ребенка, а ей подложив

¹ Талев Н.Н. Риска своей собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни / пер. с англ. Н. Караева. М., 2018. С. 160.

² См.: Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. М., 1999. С. 47–61.

мертвого. Ответчик иск не признала и утверждала, что ребенок умер именно у истца, в то время как живое дитя, которое она держит сейчас у своей груди, — это ее родной сын. Соломон велел подать ему меч и приказал рассечь ребенка надвое, чтобы разделить его пополам между обеими сторонами. Истец взмолилась присудить его ответчику, лишь бы он остался жив. Ответчик же настаивала: пусть не будет ни мне, ни тебе, рубите. Соломон велел отдать ребенка истцу, определив, что именно она его мать. «И услышал весь Израиль о суде, как рассудил царь; и стали бояться царя, ибо увидели, что мудрость Божия в нем, чтобы производить суд»³.

Специалисты по теории игр А. Диксит и Б. Нейлбафф считают, что Соломон оказался скорее удачливым, чем мудрым судьей. Он воспользовался стратегической ошибкой, которую совершила ответчик. Ей следовало повторить слова настоящей матери, попросив присудить ребенка истцу. При такой позиции сторон судья попадает в ситуацию, в которой, как утверждает судья Конституционного Суда РФ в отставке М.И. Клеандров, логически невозможно принять решение в пользу той или иной стороны⁴. Каким образом при одинаковых ответах сторон царь установил бы истину? С точки зрения теории игр Соломону следовало бы, не подвергая опасности жизнь младенца, создать угрозу того, что ложь слишком дорого обойдется обеим женщинам. Поскольку обе они были проститутками и работали в одном публичном доме, уровень их платежеспособности можно считать примерно одинаковым. Царь не знает, кто настоящая мать — истец или ответчик. Он назначает пошлину в 10 шекелей, которую должна будет заплатить одна из сторон, если на первом этапе ни одна из них не откажется от иска или, соответственно, не признает его. Если истец отказывается от иска, ребенок присуждается ответчику, и никто пошлины не платит. Если она поддерживает иск, начинается второй этап разбирательства. На втором этапе ответчик вправе признать иск, тогда он не платит пошлины, — ребенок присуждается истцу, который и заплатит царю эти 10 шекелей. Если ответчик иск не признает, то назначает свою сумму выкупа, например, 40 шекелей, а пошлину царю все равно платит истец. Начинается третий этап, в ходе которого истец или отказывается от иска, и ребенок достается ответчику, который платит царю 40 шекелей, или поддерживает иск и назначает уже свою сумму выкупа, например, 50 шекелей. Так может продолжаться до бесконечности, с тем условием, что стороны постоянно

меняются с активной на пассивную, и каждый раз сторона, настаивающая на продолжении разбирательства, платит пошлину⁵.

Предложенная учеными стратегия напоминает аукцион, но имеет от него одно принципиальное отличие. Она рассчитана на то, что субъективная ценность ребенка для настоящей матери выше, чем для фальшивой, а значит, первая будет готова к постоянному повышению ставок. В то же время каждый последующий этап рассмотрения дела увеличивает издержки для каждой из сторон. Поэтому такой тип аукциона подталкивает женщину, не являющейся матерью, к тому, чтобы отказаться от своих притязаний на более ранней стадии рассмотрения дела.

В опровержение устоявшегося стереотипа судьи-царя Сервантес создал образ судьи-простолюдина. Вообразивший себя странствующим рыцарем Дон Кихот вместе со своим верным оруженосцем Санчо Пансой попадают в замок к одному знатному герцогу. Хозяин замка решает позабыться и подыграть их фантазиям. Он исполняет обещание Дон Кихота и за верную службу своему господину жалует его оруженосца островом, назначая его туда губернатором. Своим заместителям на этом «острове» он велит вести себя так, как будто Санчо Панса — настоящий губернатор. В этой должности ему принадлежит и высшая судебная власть, поэтому за непродолжительный период «губернаторства» ему предстоит разрешить шесть дел. Заместники убеждены, что простолюдин не справится с этой задачей и выставит себя на посмешище, однако его крестьянская сметка позволяет ему найти остроумное решение даже в таких случаях, которые кажутся принципиально неразрешимыми. В двух случаях он установил истину, а в четырех — правильно определил меру ответственности.

Одно из этих шести дел, которое блестяще разрешил Санчо Панса, установив истину, основано на том, что А. Диксит и Б. Нейлбафф назвали правилом царя Соломона. Игрок, у которого меньше информации, стремится создать такие условия, при которых те, кто знает правду, вынуждены будут ее обнаружить. Принцип заключается в следующем: поступки — более надежные «свидетели», чем слова⁶. Вот как он был реализован в следующем деле.

Женщина привела в судебную палату мужчину и обвинила в изнасиловании. Чтобы подчеркнуть размер морального вреда, она прибегла к такой метафоре, что обвиняемый «похитил у нее соковище, которое она берегла двадцать три года,

³ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. [Канонические. В рус. переводе] / Третья книга Царств 4: 5–28. М., 2008. С. 361, 362.

⁴ См.: Клеандров М.И. Обвинительный приговор? Оправдательный? Или что-то третье? // Государство и право. 2019. № 12. С. 7–15.

⁵ См.: Диксит А., Нейлбафф Б. Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни / пер. с англ. Н. Яцюк. М., 2015. С. 239, 421–423.

⁶ См.: Там же. С. 240.

всегда оставаясь непоколебимой». Обвиняемый виновным себя не признал и показал, что является скотоводом. Продав трех свиней, он возвращался домой через поле. Там он повстречал эту девушку, которая предложила ему близость за деньги. Он поддался искушению, после чего заплатил ей «сколько полагается», но девушке этого показалось мало, и вот она с того момента как вцепилась в него, так и не отпустила.

Санчо Панса спросил скотовода, имеются ли у него при себе деньги. Обвиняемый ответил, что у него есть кошелек с двадцатью серебряными дукатами. Губернатор потребовал отдать кошелек женщине, и скотовод нехотя исполнил это распоряжение. Женщина взяла кошелек, пересчитала деньги и, поблагодарив судью за его мудрость, быстро удалились из зала суда. Тогда Санчо Панса поручил подсудимому догнать женщину, отобрать у нее кошелек и привести ее обратно. Вскоре он возвратился вместе с женщиной, но признал, что кошелек отобрать у нее так и не смог. Она изо всех сил удерживала его при себе и, когда скотовод пытался вырвать кошелек, яростно защищалась и при этом кричала, что скорее расстанется с жизнью, чем с деньгами. Губернатор велел ей передать ему кошелек и возвратил обвиняемому. Он пояснил, что если бы женщина при защите своей чести выказала хотя бы половину той воинственности, с которой защищала кошелек, то сам Геркулес не смог бы ее изнасиловать.

Практикующий судья ограничен в возможностях постановления таких экспериментов, однако существуют отдельные категории дел, в которых он может прибегнуть к «правилу Соломона», например, дела о расторжении брака. Когда одна из сторон просит расторгнуть брак, а другая сторона с этим не согласна, суд вправе отложить рассмотрение дела и установить сторонам срок для примирения. В одном из таких дел (из судебной практики автора) молодая женщина просила расторгнуть брак на том основании, что муж мало времени проводит в семье. Ответчик, молодой корпоративный юрист, упреки супруги объяснял своей большой загруженностью по работе. Через месяц, по истечении первого предоставленного судом срока для примирения, ситуация в их семье не изменилась. Истец продолжала настаивать на расторжении брака, а ответчик категорически против этого возражал, уверяя суд, что очень любит свою жену и что семья представляет для него высшую ценность. Председательствующий спросил истца, какие действия в ходе следующего срока для примирения ответчик должен совершить, чтобы доказать на деле свои заверения. Девушка ответила, что последние три года муж ни разу не брал отпуска, поэтому убедить ее в искренности ответчика и отказаться от иска сможет только одно: если он возьмет

отпуск и целый месяц проведет вместе с ней. Ответчик охотно согласился на такое условие. Через месяц стороны вновь явились в суд, и девушка продолжала настаивать на иске. Председательствующий спросил у нее, выполнил ли ответчик свое обещание. Она рассказала, что ее муж действительно взял отпуск, провел вместе с ней три дня, после чего вновь уехал по своим делам. Ответчик объяснения супруги не оспаривал, хотя против удовлетворения иска по-прежнему возражал. Суд принял решение брак расторгнуть.

Несмотря на удивительную находчивость, проявленную Санчо Пансой в деле о мнимом изнасиловании, славу нового Соломона принесло ему другое дело. К губернатору явились два старика, один из которых опирался на посох. Первый старик (истец) заявил, что дал займы второму (ответчику) 10 золотых эскудо. Однако ни свидетелей, ни документов, подтверждающих этот факт, у него нет. Прошло много времени, но ответчик даже вида не показывал, что собирается долг возвращать. Он напомнил ответчику о долге, но тот заявил, что такого случая не помнит, а если и было что-то подобное, то давно уже этот долг возвратил. И вот истец просит привести ответчика к присяге и если тот и под присягой подтвердит свои слова, то простит ему этот долг. На вопрос Санчо Пансы готов ли тот подтвердить свои слова под присягой, старик попросил ответчика подержать свой посох, затем возложил руки на крест и поклялся, что истец действительно ссудил ему 10 эскудо, но он (ответчик) передал ему их из рук в руки. Истец, возвратив ответчику посох, признал, что, вероятно, запамятовал, и на этом предложил разбирательство завершить. Когда старики уже выходили из здания суда, Санчо Панса окликнул их обоих, и они вернулись обратно. Новоявленный губернатор взял у ответчика посох, передал его истцу и объявил, что теперь-то долг ему действительно возвращен сполна. Поскольку все застыли в изумлении, не понимая рассуждений судьи, тот взял посох и разломил его пополам. Из образовавшейся полости выпали 10 золотых монет.

В этом деле Санчо Пансу выручил его недостаток: характерный для примитивных людей конкретный тип мышления. Он истолковал присягу ответчика буквально, в то время как все остальные поняли ее в переносном смысле, на чем и строился расчет ответчика — обмануть с помощью правды. В другом случае этот же тип мышления подвел губернатора, хотя ситуация по своей сути оказалась аналогичной и строилась на игре слов.

Когда Санчо Панса совершал ночной обход своего «острова», полицейский подвел к нему молодого человека. В чем состояла его вина, полицейский пояснить не смог, но задержание объяснил

следующим образом. Молодой человек шел ему навстречу, но, завидев стража порядка, пустился наутек. А поскольку так, по мнению полицейского, поступают только преступники, он догнал молодого человека и привел его к губернатору. Санчо Панса стал расспрашивать задержанного о цели его прогулки и бегства от полиции, но молодой человек лишь отшучивался. Тогда губернатор велел отвести его в тюрьму, сказав, что эту ночь он поспит в тюрьме. Молодой человек возразил, что нет такой власти, которая заставит его спать в тюрьме. Это заявление произвело впечатление неслыханной наглости, и губернатор стал допытываться, почему юноша так уверен в своей безнаказанности. После долгих препирательств он пояснил, что во власти губернатора лишь запереть его в тюрьме, но никто не сможет против его собственной воли заставить его в ней *спать*. Санчо Панса оценил остроумие юноши и отпустил его домой.

Для того чтобы разобраться в природе затруднений, возникающих при разрешении такого рода противоречий, когда формально истинные высказывания используются как средство обмана, нам необходимо использовать сравнительно новые открытия в области коммуникации, которые сделал Г.П. Грайс⁷. До этих открытий общим местом теоретической логики было мнение об ущербности естественных языков по сравнению с искусственными языками, такими, как языки логики и математики, из-за недостаточной определенности используемых в них символов и значений слов. Грайс выявил более глубокий уровень коммуникации, который, в отличие от искусственных языков, образуется естественными языками. Данный уровень он обозначил термином *коммуникативные импликатуры*. Однако достигается этот глубокий уровень коммуникации только при соблюдении сформулированного им *принципа кооперации*. Ученый исходит из того, что участники диалога преследуют какую-то общую для них цель, например, установить истину или договориться о совместных действиях и т.п. Диалог поэтому строится таким образом, чтобы каждое высказывание сторон тем или иным образом приближало их к достижению общей цели. Именно в этом и состоит принцип кооперации. Он выполняется только при соблюдении постулатов, основанных на четырех категориях: *количества, качества, относимости и способа коммуникации*.

Постулат категории *количества* предписывает, чтобы высказывание содержало не больше и не меньше информации, чем требуется для достижения целей диалога. Постулат нарушается в случае

предоставления как недостаточной, так и избыточной информации. Например, на вопрос суда о том, в каких отношениях свидетель находится с подсудимым, свидетель отвечает: «В родственных». Представленной информации явно недостаточно, поскольку необходимо установить степень родства, а это требует дополнительных вопросов. Обратная ситуация, когда свидетель предоставляет избыточную информацию: «Подсудимый приходится мне двоюродным братом, наши матери были родными сестрами, и они были очень дружны, практически все выходные проводили вместе, ходили в лес собирать грибы и ягоды». Такие подробности, за исключением особых ситуаций, никакого значения для достижения целей диалога не имеют. Они лишь приводят к расходу времени судьи и участников разбирательства, либо даже отвлекают их внимание от предмета доказывания, направляя их по ложному следу.

Постулат категории *качества* требует от участников диалога, чтобы их высказывания были истинными. Они, соответственно, не должны говорить того, что, во-первых, считают ложным, а во-вторых, того, для чего у них нет достаточных оснований. В судопроизводстве требования к качеству так высоки, что законом предусмотрена уголовная ответственность за их нарушение (дачу заведомо ложных показаний), а также введены некоторые специальные правила, в частности, требование ссылаться на источник осведомленности, если какие-либо сведения стали известны свидетелю с чужих слов.

Категория *относимости* ограничивает участников диалога рамками темы. Они нарушают постулат «не отступать от темы» в том случае, когда отвечают не на тот вопрос, который был задан. Например, на прямой вопрос судьи, выплачивает ли ответчик алименты на содержание своих детей, последний отвечает: «Я много думаю и постоянно забочусь о своих детях. Я их регулярно навещаю, мы вместе гуляем и на прогулке я покупаю им игрушки и мороженое».

Грайс признаёт, что вопросы, связанные с исполнением этого постулата, довольно трудные. В частности, отдельной разработки требует проблема допустимости смещения в диалоге фокуса релевантности. В судебном заседании это весьма актуальная проблема, поскольку свидетель может отклониться от темы и при этом сообщить сведения о каких-то новых эпизодах преступления. В то же время одна из сторон, не заинтересованная в их выявлении, высказывает свои возражения, ссылаясь как раз на то, что нарушено правило относимости.

Четвертая категория — *способ* — указывает не на то, что говорится, а на то, как это говорится. Этой

⁷ Здесь и далее его концепция излагается по: Грайс Г.П. Логика и речевое общение / пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 217–237.

последней категории соответствует постулат: «Выражайся ясно». Он требует избегать непонятных или неоднозначных выражений, неорганизованности, непоследовательности и путанности в изложении фактов. Наверное, это как раз тот постулат, который чаще всего нарушают непрофессиональные участники судебного процесса. Свидетель рассказывает о событии не с самого начала, называет его участников не полными именами или местоимениями, нарушает последовательность событий, использует неточные и неясные выражения («ткнул» или «пнул» вместо «ударил» и т.п.).

Ощущение неопределенности в судебном заседании возникает в таких ситуациях, когда трудно с точностью установить, какой постулат принципа кооперации нарушен. Например, на два обязательных первых вопроса суда стороны и свидетели могут отвечать неясно. Так, на вопрос о том, знаком ли подсудимый свидетелю, последний отвечает отрицательно. При этом из контекста ясно, что свидетель был очевидцем нападения подсудимого на потерпевшего, а значит, подсудимый ему знаком, но он вкладывает в это другой смысл, что ранее, до события преступления, знаком с ним не был. Или на вопрос о том, в каких отношениях находится с подсудимым, отвечает, что никаких отношений с ним не имеет и иметь не желает, хотя из контекста известно, что между ними произошел конфликт, в результате которого подсудимый причинил потерпевшему телесные повреждения. Возникает ощущение, что они нарушают одновременно и постулат качества, и постулат ясности. Это те самые ситуации, которые, как это может показаться, говорят в пользу аргумента об ущербности естественных языков. Именно для их разрешения Грайс ввел понятие *коммуникативной импликатуры*, которую в обобщенном виде можно определить следующим образом: «Пусть некто, сказав (или сделав вид, что он сказал), что p , тем самым имплицировал, что q , обоснованно ожидая от слушающего, что тот понимает q и осознает необходимость замены q на p ».

Смысл импликатуры нам поможет понять следующий пример. Сталин принял в Москве группу американских журналистов. Один из них, пытаясь провести различие между СССР и США, заявил: «У нас в Америке настоящая демократия, потому что каждый американец может выйти на улицу и, не опасаясь наказания, крикнуть: “Долой президента Трумэна!”». Сталин ответил журналисту: «Подумаешь, демократия. У нас в стране каждый советский гражданин тоже может выйти на улицу и, не опасаясь наказания, крикнуть: “Долой президента Трумэна!”»⁸. Считается, что таким остроумным способом Сталин вышел из затруднительного

положения. На самом деле, личность Гарри Трумэна в данном высказывании незначима, оба участника диалога имплицировали следующее:

Журналист: «В США каждый гражданин безнаказанно может публично выступать против главы *своего* государства».

Сталин: «В СССР каждый гражданин безнаказанно может публично выступать против главы *чужого* государства».

В данном случае Сталин нарушил один из постулатов Грайса: относимость. Его высказывание не релевантно реплике журналиста, поскольку не отвечает на имплицитный вопрос о том, может ли советский гражданин безнаказанно выступать против Сталина, так же как американский — против Трумэна или любого другого президента. Однако, поскольку для обеих сторон дискуссии понятно ее имплицитное содержание, фактически они использовали коммуникативную импликацию в целях создания бесконфликтной ситуации общения. Таким образом, она выполняет важные социальные функции: снижать либо обострять конфликтность, экономить время и речевые транзакции собеседников и т.д. «Вычисление коммуникативных импликаций, — подчеркивает Грайс, — это вычисление тех компонентов смысла, существование которых следует предположить, чтобы сохранить презумпцию соблюдения принципа кооперации»⁹. Если же такие импликации используются в целях обмана, значит, принцип кооперации нарушается. Именно это нарушение имело место в обоих делах: о старике с посохом и о сбежавшем юноше. В первом случае ответчик, сказав, что передал истцу сумму долга из рук в руки, использовал «обобщенную» коммуникативную импликацию. При отсутствии специальных указаний на обратное, она всегда считается строго определенным образом, в этом конкретном деле: «ответчик уплатил истцу долг». Во втором случае «обобщенную» импликацию использовал сам Санчо Панса, когда сказал, что юноша спит в тюрьме. Он имел в виду, что задержанный проведет в тюрьме ночь, а ночью все, как правило, спят. На этом же феномене основано и самое первое дело, которое разрешил новоявленный губернатор.

В суд явились двое: портной и крестьянин. Портной пояснил, что крестьянин принес ему кусок сукна и спросил, можно ли из него сшить колпак. Он (портной) ответил положительно. Крестьянин, наверняка подумав, что отрезок ткани слишком велик и он (портной) собирается присвоить себе оставшуюся часть, спросил, не выйдет ли из него двух колпаков. Он (портной), будучи оскорблен таким скрытым (мы скажем: имплицированным)

⁸ Суходеев В. В. Сталин умел шутить. М., 2014.

⁹ Грайс Г. П. Указ. соч. С. 236.

в вопросе оскорблением, что вновь ответил положительно. Так они увеличили объем заказа до пяти колпаков. И вот он (портной) выполнил заказ в полном объеме, сшив ему все пять колпаков, но ответчик отказывается платить, да еще и требует вернуть сукно обратно. Санчо Панса спросил крестьянина, подтверждает ли он то, что рассказал портной. Ответчик слова портного подтвердил, но предложил ему предъявить изготовленные колпаки суду. Истец высвободил руку из-под плаща и показал суду все пять колпачков, надетых на пальцы. Такая развязка вызвала всеобщий смех. Санчо Панса принял решение: портному за работу не платить, а крестьянину сукна не возвращать.

Ситуация стала результатом наложения двух импликатур: «обобщенной» (заказывая изготовление колпака, заказчик подразумевает не любой предмет, имеющий форму колпака, а только тот, который пригоден для ношения в качестве головного убора) и «индивидуализированной» (своими уточняющими вопросами о возможном количестве колпаков он на самом деле высказывает, что не доверяет портным). Сегодня с позиции судебной практики мы наверняка приняли бы решение о возмещении крестьянину ущерба, поскольку исполнитель обязан представить потребителю исчерпывающую информацию о свойствах производимого товара. Следовательно, портной сознательно нарушил количественный постулат принципа кооперации, и поэтому цель коммуникации не была достигнута.

Самое сложное дело Санчо Пансе довелось рассмотреть уже под конец своего «губернаторства». В этом деле Сервантес еще в начале XVII столетия обозначил такую проблему логики, к разрешению которой удалось приблизиться только в XX в. Впрочем, созданный им герой-простолудин в своем решении интуитивно тоже двигался в правильном направлении.

К Санчо Пансе прибыл посланник из соседнего губернаторства и, воздав хвалу мудрости губернатора, о которой стало известно за пределами его владения, обратился с просьбой разрешить дело, в котором оказались бессильны их местные судьи. Губернаторство пересекает пополам глубокая река. Через нее переброшен мост. По краям моста стоит по виселице. Каждый, кто проходит по мосту, должен под присягой сообщить, зачем идет на другой берег. Тот, кто скажет правду, проходит беспрепятственно, а тот, кто солжет, должен быть повешен. Четверо судей оценивают показания путников и, если они правдивы, пропускают, а если ложны, отправляют на виселицу. Но вот один из прохожих был приведен к присяге и поклялся, что пришел затем, чтобы быть повешенным. Если позволить ему беспрепятственно пройти по мосту, то он нарушит присягу, а значит, по закону должен быть повешен. Если же его

повесить, то значит, что он сказал правду, а по закону это основание, чтобы беспрепятственно пройти через реку. Как бы судьи ни поступили с этим путником, закон будет нарушен в любом случае. Какой совет может дать губернатор, чтобы судьи правильно разрешили данное дело?

Санчо Панса столкнулся с логическим парадоксом, который кратко можно свести к формуле: «Я лгу». В рамках формально-логической системы он не имеет решения. Это понял и сам «губернатор» после того, как предложил первый вариант решения по делу. Он рассудил так, что если путник наполовину лжет, а наполовину говорит правду, то следует одну его половину повесить, а другую – пропустить на противоположный берег. На это ему резонно возразили, что в таком случае путника придется разрубить надвое (здесь снова возникает соломоновский мотив), а значит, он умрет и не сможет пройти на другой берег. Поразмыслив, Санчо Панса смог выйти из этого затруднения, однако, чтобы по достоинству оценить научную глубину его решения, следует вкратце охарактеризовать проблему логических парадоксов.

Проблема неразрешимости логических парадоксов как серьезный вызов пригодности логико-математического метода познания стала одной из основных тем работы английского логика, в последующем лауреата Нобелевской премии по литературе (чем не парадокс?) Б. Рассела. Для данного парадокса он предложил свою шутовскую формулировку: «Брадобрей бреет в городе всех, кто не бреется сам. Бреет ли себя брадобрей?» Если брадобрей не бреет себя сам, значит, он подпадает под ту категорию людей, которых он бреет. А если он бреет себя сам, то значит, исключен из той категории, которых он бреет. Вот как сформулировал этот же парадокс финский логик Я. Хинтикка в отношении самого Рассела: «Берти любит тех и только тех людей, которые не любят самих себя»¹⁰. Вопрос: любит ли Берти самого себя? Любой ответ, как и в случае с брадобреем, будет неверным – в этом и состоит парадокс.

Парадокс брадобрея является проблемой не только логики, но и теории множеств, которая лежит в основании математики. В рамках этой теории его сформулировал Э. Цермело (поэтому он называется парадоксом Рассела–Цермело). Пусть M – множество всех множеств, которые не содержат себя в качестве своего элемента. Содержит ли M само себя в качестве элемента? Если предположить, что содержит, то получается противоречие с «**Не** содержат себя в качестве своего элемента».

¹⁰ Хинтикка Я. О Гёделе / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева, при участии К.А. Родина. Статьи / К. Гёдель / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева. М., 2014. С. 23 (Библиотека аналитической философии).

Если предположить, что не содержит, то получается противоречие с тем, что это множество *всех* множеств, которые не содержат себя в качестве своего элемента.

Рассел попытался разрешить проблему парадоксов с помощью созданной им радикальной «не-класс теории». Согласно этой теории классы не существуют в качестве реальных объектов, значимы только в манере разговора о других вещах и не применимы к самим себе¹¹. Цермело в рамках теории множеств предложил другое решение. Он разделил множества на уровни и ввел правило, согласно которому только множества меньших уровней могут быть элементами множеств более высоких уровней¹². Однако дело в том, что «запретительные» концепции, хотя и показывают механизм образования парадоксов и способы их устранения в формальных языках, не помогут Санчо Пансе разрешить дело о проходе по мосту. Согласно этим концепциям, ему следовало ограничиться разъяснением, что с такими делами в суд обращаться запрещено.

Но и сам закон как формально-логическая система полон такими парадоксами, на что при весьма курьезных обстоятельствах указал один из крупнейших логиков в истории человечества — К. Гёдель. После аншлюса Австрии он эмигрировал в США и для получения американского гражданства должен был сдать экзамен на знание конституции. На экзамене он обратил внимание судьи, которому надлежало принять решение о гражданстве, на неразрешимые противоречия в американском основном законе. Так, если билль о правах гарантирует свободу слова всем и каждому, то гарантирует ли он свободу тому, кто выступает против свободы слова или лишает его такой свободы? Должно ли общество, выступающее за терпимость ко всем категориям граждан, быть (не) терпимым к той их категории, которая нетерпима к каким-либо категориям граждан? Наконец, могут ли граждане в рамках демократических процедур выбрать политическую партию, программа которой предусматривает отмену демократии и введение диктатуры? Показав эти противоречия, Гёдель на гипотетическом уровне построил безупречную законодательную модель превращения США из демократии в диктатуру. Получение им американского гражданства попало под угрозу. Спасло заступничество Эйнштейна, который выступал поручителем Гёделя, а также чувство юмора судьи, который счел все это отличной шуткой¹³. Анало-

гичные парадоксы содержатся и в уголовно-процессуальном законодательстве¹⁴.

Проблемы логических парадоксов Гёдель затрагивал косвенно. Основной сферой его деятельности и открытий стала проблема полноты формально-логических систем. Под полнотой системы понимается то, что все содержащиеся в ней материально истинные утверждения логически доказуемы средствами самой этой системы. Другими словами, если в основе арифметики лежит исчерпывающий перечень аксиом и точных правил вывода, то каждое последующее истинное суждение должно иметь доказательства, опирающиеся на эти аксиомы, а также на теоремы, выведенные из этих аксиом. Однако это не так. Гёдель доказал, что даже в такой простой формально-логической системе, как арифметика, встречаются истинные, но недоказуемые суждения. В этом заключается первая теорема о неполноте¹⁵. Применительно к отдельным отраслям права ее можно изложить в той формулировке, которую предложил А. В. Смирнов: «Как истина не всегда варится в котле доказательств, так и доказанность (как это на первый взгляд ни покажется абсурдным) порой может иметь место и при недостаточности доказательств»¹⁶. Вторая теорема о неполноте разрушает уже саму идею непротиворечивости формально-логической системы. Она состоит в том, что невозможно в рамках системы доказать непротиворечивость этой системы, т.е. то, что при соблюдении аксиом и правил вывода всегда будут получаться только истинные и никогда — ложные суждения¹⁷.

Теоремы о неполноте, хотя и были сформулированы применительно к арифметике, по сути, являются фундаментальными идеями всей теории познания. Какие общие гносеологические выводы делает сам Гёдель? Первый вывод заключается в том, что высказывание, которое невозможно доказать в рамках данной системы, может быть доказано внутри системы более высокого уровня (метасистемы). Данный вывод влечет за собой другой, более глобальный, — о принципиальной незавершенности (бесконечности) математики. На время, однако, отложим эту мысль и возвратимся на шаг назад — к метасистемам.

¹⁴ См.: Цветков Ю.А. «Улыбка без кота» или Что останется от предварительного следствия? // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 18–23.

¹⁵ См.: Гёдель К. Некоторые основные теоремы в основаниях математики и их следствия / пер. с нем. В.В. Целищева // Хинтикка Я. Указ. соч. С. 166–200.

¹⁶ Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М., 2018. С. 27.

¹⁷ См.: Гёдель К. Некоторые основные теоремы в основаниях математики и их следствия / пер. с нем. В.В. Целищева. С. 166–200.

¹¹ См.: Гёдель К. Расселовская математическая логика / пер. с нем. В.В. Целищева // Там же. С. 137.

¹² См.: там же. С. 148.

¹³ См.: Хинтикка Я. Указ. соч. С. 17, 18.

Дело о прохождении через мост не имело решений с точки зрения закона или, как мы теперь скажем, в рамках формально-логической системы. Чтобы его решить, требовалось построить систему более высокого порядка, в которой возникли бы способы его разрешения. Именно так и поступает Санчо Панса: он переходит из системы «закон», в которой это дело неразрешимо, в систему «мораль», в которой существует критерий разрешения противоречий, возникающих на более низком уровне. Когда Санчо Пансе разъяснили невозможность приведения в исполнение его первого решения, он сформулировал второй его вариант. Губернатор рассуждал следующим образом. Коль скоро у судей оснований для осуждения и для оправдания прохожего поровну, то им следует его пропустить, так как делать добро всегда правильнее, чем зло. По его признанию, этому правилу его научил не кто иной, как хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский. Давая своему оруженосцу перед отъездом на остров наставление, странствующий рыцарь открыл ему правило, как следует поступать в сомнительных случаях: всегда исходить из того, какое решение в большей мере отвечает голосу милосердия. Поэтому современное право как формально-логическая система усиливает себя путем инкорпорации (механической, но, разумеется, не органической) этических руководящих начал. Примерами могут служить принцип гуманизма в уголовном праве или правило уголовного процесса, согласно которому судья, принимая решения, должен руководствоваться законом и (если этого недостаточно) еще и совестью. В таких случаях этика выступает по отношению к праву на основе комплементарности. Однако и эта метасистема неустойчива и не застрахована от парадоксов. Как показал акад. А.А. Гусейнов, мораль и право в конечном счете тоже вступают в противоречие. В подтверждение ученый привел спор между Г. Хартом (Оксфорд) и Л. Фуллером (Гарвард) о том, должен ли был законопослушный немец исполнять расовые законы нацистской Германии¹⁸.

В своих поздних работах Гёдель делает более важные выводы о том, что если человеческий ум конечен (поскольку он определен размерами мозга, количеством нейронов и межнейронных связей), а математика бесконечна, то значит, математика не является изобретением человеческого ума (человека). Следовательно, математические истины (и истина в целом) имеют свое автономное существование, свой отдельный мир, и человек не создает, а лишь открывает для себя эти истины. Признавая платоновский взгляд (о мире идей, отделенном от

¹⁸ См.: Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 113–137.

мира вещей) единственно возможной альтернативой, Гёдель пишет: «Тем самым, я утверждаю, что математика описывает нечувственную реальность, которая существует независимо от действий и диспозиций человеческого ума и воспринимается лишь, вероятно, весьма неполным образом человеческим умом»¹⁹.

Исходя из этой теории, работа судьи, по крайней мере по сложным делам, направлена на отыскание вечных истин для конкретных ситуаций — истин, существующих не в уме человека и не как продукт его мышления, а как объекты сверхчувственного мира. Такой род деятельности предполагает, что заниматься ею может отнюдь не каждый, а лишь те, кто обладает особыми качествами, которые сложно или даже невозможно выявить при отборе кандидатов на должности судей.

Квалификационный экзамен на должность судьи направлен, прежде всего, на то, чтобы определить уровень знания претендентом действующего законодательства и умения применять его при решении стандартных юридических казусов. Ограниченность такого подхода подверг заслуженной критике судья Конституционного Суда РФ в отставке М.И. Клеандров²⁰. Испытание должно выявлять наличие или отсутствие способностей совсем иного рода, как это практикуется, например, в компании Google. Поскольку стратегия этой компании основана на инновациях и создании чего-либо доселе невозможного, она не может определить заранее, какие знания и навыки могут понадобиться ее сотрудникам. Поэтому на собеседовании ее представители задают вопросы, ответ на которые не знает никто, например: «Сколько весит Эмпайр-стейт-билдинг?». Тест сразу отсеивает тех, кто считает, что существуют нерешаемые задачи и не пытается предложить никакого варианта решения. На втором этапе уже выявляются те, кто может предложить алгоритм решения такой задачи, разбив ее на сегменты, и дать хотя бы приблизительный, но убедительный ответ²¹. Именно таким типом мышления, который человечество ассоциирует с мудростью царя Соломона или народной смёткой Санчо Пансы, и должен обладать судья.

Основные научно-практические выводы

1. Успешное разрешение дела в рамках судебной коммуникации — результат соблюдения принципа кооперации: если он не соблюдается, возникают

¹⁹ Гёдель К. Некоторые основные теоремы в основаниях математики и их следствия. С. 199, 200.

²⁰ См.: Клеандров М.И. О необходимости психодиагностирования кандидатов на должности судей // Государство и право. 2019. № 6. С. 5–17.

²¹ См.: Левитин Д. Организованный ум. Как мыслить и принимать решения в эпоху информационной перегрузки / пер. с англ. Н. Брагиной, Т. Землеруб. М., 2019. С. 414–425.

коммуникативные трудности и парадоксальные ситуации.

2. Возникшие в судебном процессе коммуникативные трудности и парадоксы разрешаются путем установления, какой постулат кооперации (количества, качества, относимости или способа) нарушен, и устранения нарушения.

3. Поскольку участники судебной коммуникации зачастую являются игроками со своими стратегическими интересами, они могут нарушать принцип кооперации сознательно. Поэтому в ситуации, когда противоречащие требования опираются на взаимоисключающие доказательства, методом оптимизации судебных решений является метод теории игр — «Правило царя Соломона»: поступки — более надежные свидетели, чем слова.

4. Вследствие неполноты формальных систем, в т.ч. таких, как право и закон, возникновение логических парадоксов и трудноразрешимых казусов в правосудии неизбежно. Для их разрешения необходимо конструирование метасистемы, которой по отношению к праву является, в частности, система этики. Такая возможность судье, если закона ему для принятия справедливого решения недостаточно, предоставлена легально: он наряду с законом вправе руководствоваться еще и совестью.

5. Рассмотрение сложных дел, в которых не существует одного законного решения, предполагает наличие у судьи особого (судейского) типа мышления, для выявления которого требуются принципиально новые подходы к проведению квалификационного экзамена на должность судьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. М., 1999. С. 47–61.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. [Канонические. В рус. переводе] / Третья книга Царств 4: 5–28. М., 2008. С. 361, 362.
3. Гёдель К. Некоторые основные теоремы в основаниях математики и их следствия / пер. с нем. В.В. Целищева // Хинтикка Я. О Гёделе / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева, при участии К.А. Родина. Статьи / К. Гёдель / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева. М., 2014. С. 23 (Библиотека аналитической философии). С. 166–200.
4. Гёдель К. Расселовская математическая логика / пер. с нем. В.В. Целищева // Хинтикка Я. О Гёделе / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева, при участии К.А. Родина. Статьи / К. Гёдель / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева.

М., 2014. С. 23 (Библиотека аналитической философии). С. 137, 148.

5. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 217–237.
6. Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 113–137.
7. Диксит А., Нейлбафф Б. Теория игр. Искусство стратегического мышления в бизнесе и жизни / пер. с англ. Н. Яцюк. М., 2015. С. 239, 240, 421–423.
8. Клеандров М.И. О необходимости психодиагностирования кандидатов на должности судей // Государство и право. 2019. № 6. С. 5–17.
9. Клеандров М.И. Обвинительный приговор? Оправдательный? Или что-то третье? // Государство и право. 2019. № 12. С. 7–15.
10. Левитин Д. Организованный ум. Как мыслить и принимать решения в эпоху информационной перегрузки / пер. с англ. Н. Брагиной, Т. Землеруб. М., 2019. С. 414–425.
11. Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М., 2018. С. 27.
12. Суходеев В.В. Сталин умел шутить. М., 2014.
13. Талев Н.Н. Рискуя собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни / пер. с англ. Н. Караева. М., 2018. С. 160.
14. Хинтикка Я. О Гёделе / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева, при участии К.А. Родина. Статьи / К. Гёдель / сост., ред. и пер. В.В. Целищева и В.А. Суровцева. М., 2014. С. 17, 18, 23 (Библиотека аналитической философии).
15. Цветков Ю.А. «Улыбка без кота» или Что останется от предварительного следствия? // Уголовное судопроизводство. 2016. № 2. С. 18–23.

REFERENCES

1. Barak A. Judicial discretion / transl. from English. М., 1999. P. 47–61 (in Russ.).
2. The Bible. The books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. [Canonical. In Russian translation] / The Third Book of Kings 4: 5–28. М., 2008. P. 361, 362 (in Russ.).
3. Goedel K. Some basic theorems in the foundations of mathematics and their consequences / transl. from German V.V. Tselishchev // Hintikka Ya. About Godel / comp., ed. and transl. V.V. Tselishchev and V.A. Surovtsev, with the participation of K.A. Rodin. Articles / K. Goedel / comp., ed. and transl. V.V. Tselishchev and V.A. Surovtsev. М., 2014. P. 23

- (Library of Analytical Philosophy). P. 166–200 (in Russ.).
4. *Goedel K.* *Rasselovskaya mathematical logic // Hintikka Ya. About Godel / comp., ed. and transl. V.V. Tselishchev and V.A. Surovtsev, with the participation of K.A. Rodin. Articles / K. Goedel / comp., ed. and transl. V.V. Tselishchev and V.A. Surovtsev. M., 2014. P. 23 (Library of Analytical Philosophy). P. 137, 148 (in Russ.).*
 5. *Gries G.P.* *Logic and speech communication / transl. from English // New developments in foreign linguistics. 1985. Issue. 16. P. 217–237 (in Russ.).*
 6. *Guseynov A.A.* *Morale and law: the line of demarcation // Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of members of the Russian Academy of Sciences / under the general ed. A.N. Savenkov. M., 2019. P. 113–137 (in Russ.).*
 7. *Dixit A., Neilbuff B.* *Game theory. The Art of strategic thinking in business and life / transl. from English by N. Yatsyuk. M., 2015. P. 239, 240, 421–423 (in Russ.).*
 8. *Kleandrov M.I.* *On the need for psychodiagnostics of candidates for the positions of judges // State and Law. 2019. No. 6. P. 5–17 (in Russ.).*
 9. *Kleandrov M.I.* *The guilty verdict? Acquittal? Or something third? // State and Law. 2019. No. 12. P. 7–15 (in Russ.).*
 10. *Levitin D.* *Organized mind. How to think and make decisions in the era of information overload / transl. from English N. Bragina, T. Zemlerob. M., 2019. P. 414–425 (in Russ.).*
 11. *Smirnov A.V.* *Formal means of proof in Criminal Law and procedure. M., 2018. P. 27 (in Russ.).*
 12. *Sukhodeev V.* *Stalin knew how to joke. M., 2014 (in Russ.).*
 13. *Taleb N.N.* *Risking her own skin: Hidden asymmetries daily life / transl. from English N. Garayev. M., 2018. P. 160 (in Russ.).*
 14. *Hintikka Ya.* *About Godel / comp., ed. and transl. V.V. Tselishchev and V.A. Surovtsev, with the participation of K.A. Rodin. Articles / K. Goedel / comp., ed. and transl. V.V. Tselishchev and V.A. Surovtseva. M., 2014. P. 17, 18, 23 (Library of Analytical Philosophy) (in Russ.).*
 15. *Tsvetkov Yu. A.* *“Smile without a cat” or What will remain of the preliminary investigation? // Criminal proceedings. 2016. No. 2. P. 18–23 (in Russ.).*

Сведения об авторе

ЦВЕТКОВ Юрий Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий научно-исследовательским отделом Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; 125080 г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

Authors' information

TSVETKOV Yuri A. – PhD in Law, associate Professor, Head of the research Department Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; 12 Vrubel str., 125080 Moscow, Russia